

Старообрядцы, Екатерина II и местное православное духовенство
в 60- гг. XVIII в.: в поисках путей согласия

60-е годы XVIII века ознаменовались политикой толерантности Екатерины II по отношению к религиозным конфессиям, которые в царствование Елизаветы Петровны испытывали притеснения и преследования, и, прежде всего, к старообрядческому населению империи.

Во взглядах императрицы относительно религиозных конфессий, безусловно, отразилась идеология Просвещения. Екатерина II выразила своё отношение к этой проблеме в «Наказе», где подчеркнула необходимость «благоразумной» религиозной толерантности в интересах общественной безопасности многонациональной империи¹. Толерантность, являвшаяся тогда знаменем времени, во многом, была обусловлена утилитарными целями государства, прагматическими соображениями правителей. Екатерина II понимала, что сторонники раскола составляют значительную часть населения России, и могут, например, с успехом участвовать в колонизации Российской империи.

В этой политике Екатерины II наблюдаются элементы преемственности с политикой Петра III. Как известно, его указом от 29 января 1762 г. старообрядцам, бежавшим за границу, разрешалось возвращаться в Россию «без всякой боязни и страха» – «живут же в ней магометане и идолопоклонники». Указ предписывал, чтобы «им в содержании закона по обыкновению и по старопечатным книгам ни от кого возбранения не было»². 1 февраля 1762 г. власть повелела отпустить содержащихся под караулом раскольников и за-

---

¹ Наказ императрицы Екатерины II данной комиссии по сочинению проекта нового уложения. М., 1907. С. 134.

² О сочинении особого положения для раскольников, которые, удаляясь за границу, пожелают возвратиться в Отечество, с тем, чтобы им в отправлении закона по их обыкновению и старопечатным книгам возбранения не было, 29 января 1762 г. // ПСЗ. Т. 15. № 11420. С. 984–985.

претила забирать их без серьёзных на то оснований³. Манифестом 28 февраля 1762 г. бежавшим за рубеж раскольникам, купцам, помещичьим крестьянам, дворовым людям и воинским дезертирам, разрешалось возвращаться до 1 января 1763 г. без всяких опасений⁴.

Екатерина II подтвердила указы Петра III по отношению к раскольникам и даже предоставила им ряд новых уступок. Местным властям предписывалось, чтобы вышедшим из-за рубежа староверам они оказывали покровительство и не «чинили принуждения в ношении их платья и бритья бороды». В 1762 г. старообрядцам, вышедшим из Польши, она разрешила поселиться в Саратовском Заволжье по р.Иргизу, где им было отведено 70 тысяч десятин земли. В 1763 г. была упразднена Раскольническая контора, учрежденная в 1725 г. для сбора двойной подушной подати с раскольников и налога с бород. В 1764 г. от двойной подушной подати освобождались те раскольники, которые не отказывались от принятия церковных таинств от православных священников⁵. Указом от 16 октября 1764 г. из старообрядцев, возвращавшихся из Польши, разрешалось принимать и записывать в купечество⁶. В декабре 1764 г. вышел указ о позволении им селиться в России на местах, означенных в прилагаемом реестре⁷.

Для императрицы было важно, чтобы терпимость исходила не только от неё лично, но чтобы она культивировалась и в среде местного православного духовенства. Однако положение старообрядцев было непростым. Об этом свидетельствуют дела, отложившиеся в фонде 796 (Канцелярия Синода) Российского государственного исторического архива. Особый интерес пред-

---

³ О прекращении исследований о самосожигателях. Сенатский. 1 февраля 1762 г. // ПСЗ. Т. 15. № 11434. С. 907–908.

⁴ Манифест. О продолжении срока для возвращения в Россию бежавших в Польшу, Литву, и Курляндию разного звания людей. 28 февраля 1762 г. // ПСЗ. Т. 15. № 11456. С. 926.

⁵ Фёдоров В.А. Русская православная церковь и государство: синодальный период (1700–1917). М., 2003. С. 170.

⁶ О разрешении выходящим из Польши раскольников принимать и записывать по выбору достойных и зажиточных людей // ПСЗ. Т. 16. № 11683. С. 79–80.

⁷ Сенатский. О позволении раскольникам выходить и селиться в России на местах, означенных в прилагаемом у сего реестре, 14 декабря. 1764 г. // ПСЗ. Т. 16. № 11718. С. 129.

ставляет слушаемое в Синоде в июне – августе 1767 г. дело о причиняемых священниками обид раскольникам тверской Ямской слободы Московской губернии. 12 мая 1767 г. в Московскую духовную консисторию был приведён дьячок церкви великомученицы Екатерины села Покровского Козьма Васильев, который дал показания о том, что он со священником той же церкви Иоанном Васильевым пришёл со «святой водой» в дом записного раскольника Еремея Тарасова. Не получив денег более, чем 10 копеек, они избili живших в том доме крестьянских «женок» Февронью Иванову и Федосью Иванову. В результате священник и дьяк были взяты в консисторию⁸.

Данный факт был не единственным⁹. Священники бесчинствовали и в более состоятельных купеческих домах. Так, 23 мая 1767 г. в консисторию было подано доношение, подписанное московскими купцами – первой гильдии Григорием Заплатиным, купцом второй гильдии Ильей Васильевым и другими на священников Василия Федорова, Василия Иванова и дьякона Кирилла Иванова церкви Василия Кеосарийского тверской Ямской слободы. В нём говорилось о приходе в декабре 1766 г. после вечерни священника Фёдорова ко двору Заплатина, «сказывая, якобы со крестом, и ломаясь на дворе силою». Купец также сообщал и другой факт: «о битии и брани» его приказчика московского купца Ильи Васильева во время его (Заплатина) отлучки в Санкт-Петербург¹⁰.

Помимо купцов, доношение было подписано и крестьянами. Там же они живописали об «озорстве» и «хулиганствах» священников:

– Об избиении и брани священником Фёдоровым крестьянина Андрея Евдокимова. О прощении у него денег.

⁸ По донесению Московской духовной консистории о причиняемых раскольникам, жителям тверской Ямской слободы, священниками обид. 17 июня – 28 августа 1767 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 397. Л. 1-1 об..

⁹ Хождение священника по домам прихожан как в праздничные, так и в другие дни, сопровождавшееся разного рода поборами, было обусловлено невысоким правовым статусом приходского духовенства и их тяжёлым материальным положением. Сельский пастырь сам подвергался многочисленным поборам со стороны своего вышестоящего начальства и вынужден был изыскивать возможности, чтобы выжить. См.: Федоров В.А. Русская православная церковь и государство: Синодальный период (1700–1917). М., 2003. С. 44–51.

¹⁰ По донесению Московской духовной консистории ... Л. 2–2 об.

– О брани им священником и дьяконом Кириллом Ивановым крестьянина Егора Михайлова и его домашних.

– О метании тем же дьяконом в окошко дома Михайлова грязью. О просьбе «пить вина и пива». Об унесении после угощения священником и дьяконом «стакана, которой у них отнят».

– О разбитии ими окон у крестьянина Павла Анофриева (пришёл ко двору Анофриева со святой водой) и разломе дверей бревном. Об избиении и брани Анофриева священником.

– О приходе священником Фёдоровым и дьяконом Ивановым в 1767 г. в «пятюк святой пасхи» в дом отставного солдата Познякава и разбитии окон. О брани Познякава и его домашних.

– Об унесении образа Казанской пресвятой богородицы¹¹.

В июне 1767 г. Синод решил выслать на один месяц священников Василия Фёдорова в Богоявленский монастырь, Василия Иванова в Сретенский монастырь, и подобрать им там соответствующее «пристойное» послушание¹². При вынесении же вердикта императрица апеллировала к уже существующему законодательству. Она высказалась в духе указов от 14 декабря 1762 г. и от 13 марта 1764 г., которыми повелевалось: обид и притеснений раскольникам не чинить, по всем раскольническим делам самостоятельно ничего не предпринимать, а сообщать в Сенат¹³. Вместе с тем, указывалось, чтобы при решении спорных вопросов Сенат и Синод должны были иметь общие конференции. Екатерина пошла на смягчение наказания, как об этом ходатайствовал Синод: священник и дьякон не были посланы в монастырь. Однако в указе предписывалось – означенных духовных лиц обязать подпиской, чтобы они к записавшимся в двойной оклад раскольникам в «домы» не

¹¹ По донесению Московской духовной консистории ... Л. 2–2 об.

¹² РГИА. Ф. 796. Оп. 48. Д. 397. Л. 5 об.

¹³ О воспрещении причтам села Васильевского и села Покровского Московской епархии ходить без приглашений в раскольнические дома, а необходимые о них сведения получать из консистории, которой поручается все сведения требовать от светских команд, 17 августа 1767 г. // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи: Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. СПб., 1910. Т. 1. С. 409–410.

ходили. Императрица обратила внимание и на форму взаимодействия духовных властей и старообрядческого сообщества: при необходимости получить сведения о раскольниках следовало сделать представление в консисторию и осуществить это посредством светских команд¹⁴. Екатерина также распорядилась доложить ей, какую плату за требы велено получать приходским священникам от находящихся в приходах раскольников. Данный пункт должен был ограничить священников в их поборах. Таким образом, появляется новый нормативный акт, ограждающий старообрядцев от настойчивости православного духовенства в исполнении православных обрядов.

Эта ситуация высвечивает слабую сторону законодательства о расколе 1760-х годов. С одной стороны, указы говорили о свободном исповедании своей веры, о беспрепятственной записи в раскол потаённым раскольникам. Гражданские власти запрещали духовенству касаться раскольников. В то же время «оставались неотменёнными прежние узаконения о «совратительстве» в раскол, о поимке раскольничьих учителей, уничтожении раскольничьих часовен, обязательном крещении детей раскольников в церкви и т.п. Епархиальные начальства часто недоумевали и заваливали Синод жалобами на подобное положение вещей.

Вероятно, правительство сознательно допустило такую неопределённость. Не решаясь дать раскольникам свободу распространения своего учения, оно не осмеливалось и прямо отменить прежние указы. Отмена прежних указов была небезопасна для Екатерины и в политическом отношении. Ведь известно, что, взойдя на престол незаконным путем, она обосновывала это тем, что сделала это исключительно с целью защиты православия. Поэтому правительство сделало невозможным применение старых законов, запретив духовной власти вмешиваться в раскольничьи дела без сношения с Сенатом.

---

¹⁴ О воспрещении причтам села Васильевского и села Покровского Московской епархии ... С. 409–410.